5.1.2000. Шолохов Михаил
- 2000 - 5 янв. - с. 8-9.

Он всаживал свой характер в Григория и Аксинью...

Черновики великого романа, найденные недавно, еще раз подтверждают: авторство Шолохова не подлежит сомнению

Шестьдесят лет назад, в первых числах января сорокового года, Михаил Шолохов завершает свою главную книгу - «Тихий Дон». Завершает строками, достойными высокой трагедии: «Он стоял у ворот родного дома, держа на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем небом»

Начну со стихов - горьких, написанных кровью сердца.

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц сходит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень,
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Это главка из «Реквиема» Анны Ахматовой, написанная в 1940 году. Я долго думал, почему эта песня-плач навеяна тихим Доном. Ответ нашел в воспоминаниях Эммы Герштейн, которую с Анной Андреевной и Львом Николаевичем Гумилевым связывала большая дружба. К сыну Ахматовой молодая Эмма испытывала, как она напишет, своеобразное и глубокое чувство. Как-то она спросила у Анны Андреевны, почему в ленинградском стихотворении откликнулась река Дон (в это время Лев Гумилев был в ГУЛАГе). Ахматова ответила: «Не знаю, может быть, потому, что Лева едет в экспедицию на Дон?» И потом: «Тихий Дон» Шолохова был любимым произведением Левы. А вы не знали?» «Я действительно не знала этого», - честно признается Эмма.

«А не старуха ли за тебя писала романишко?»

Если бы все были так честны в том, что касается биографии и творческого пути писателя! Во все времена находятся люди, которым надо - чего бы это им ни стоило! - выйти на поверхность, быть на виду, стать свидетелями, неизвестно о чем свидетельствующими. В октябре 1929 года Шолохов писал Александру Фадееву:

«А то ведь так, только ты за перо, а нечистый тут как тут: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?»

В этом письме больше молодой дерзости, чем горечи. Он мог опровергнуть ложь каждой новой страницей, каждой новой, более совершенной главой.

Перед охотой. Шолохов с сыном Сашей и племянником Юрой Зайцевым у своего дома в Вешенской, 1930–е годы.

В толпе «пролетарского молодняка»

Судьба юного Шолохова очень схожа с судьбой Есенина. И тот, и другой, отослав свои произведения в столицу, были крайне удивлены и раздосадованы тем, что не получили никаких ответов и ни одна редакция не напечатала их. Как свидетельствует со слов М. А. Шолохова Исай Григорьевич Лежнев - один из лучших и внимательных биографов писателя, несколько рассказов было написано семнадцатилетним юношей уже в двадцать втором году. Тогда же он и задумал написать роман, о чем говорил своему учителю Т. Т. Мрыхину.

В октябре двадцать второго года Шолохов идет на риск - отправляется в Москву. Найдите хоть одного провинциала, уже одурманенного славой писателя, который не желал бы удивить столицу уже написанными шедеврами. Нет таких. Так было и с Шолоховым. Наивный, он не знал, что Москва переполнена пролетарским литературным молодняком, как тогда говорили. И этот молодняк стал перед ним плотной, нахальной стеной: не объехать, не обойти. Но стоило в декабре двадцать четвертого года появиться в газете «Молодой ленинец» первому рассказу «Родинка», как имя Шолохова становится чуть ли не самым популярным среди молодых писателей. Рассказы посыпались, как подарки из рождественского мешка. Иногда по две-три публикации в месяц. Ясно же, что написаны они были раньше. А уже в начале мая выходят массовыми тиражами первые книжки Шолохова, сборник «Донские рассказы».

Прототипов могли и расстрелять

Шолохов, работая над «Тихим Доном», вел уединенную жизнь, скрылся от всех и вся. На вопрос одной назойливой анкеты тех лет: «Какую общественную работу вы выполняете?» - ответил: «Никакой».

В те времена ничто и никто не мог оторвать его от письменного стола. Он работает точечно. Не удается одолеть какой-то эпизод, перебрасывает свой взгляд на другой. Еще в самом запале работа над первой и второй книгами, а уже собирается материал для третьей. В апреле 1926 года он пишет Харлампию Ермакову (одному из прототипов Григория Мелехова), что собирается в мае - июне приехать к нему, чтобы получить «некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 г.». «Сведения эти, - уточнял Шолохов, - касаются мелочей восстания В-Донского».

Ясно же, что в голове писателя уже зреет путь к новым далям свободного романа.

А через год Харлампия Ермакова, друга отца и матери писателя, не стало. Он будет арестован по доносу бывшей жены, навету соседей и расстрелян как «враг народа» в застенках ГПУ. По этой причине двери в лабораторию писателя были плотно закрыты: Шолохов долго и упорно избегал всяких разговоров о прототипах «Тихого Дона», чтобы не навлечь на этих людей беду.

«Для Григория я что-то взял от Алексея...»

Лишь под конец жизни стал говорить об этом все чаще и чаще. Скажем, вот так:

- Григорий - это художественный вымысел. Дался он мне не сразу. Но могу признаться теперь, что образы Григория, Петра и Дарьи Мелеховых в самом начале я писал с семьи казаков Дроздовых. Мои родители, живя в хуторе Плешакове, снимали у Дроздовых половину куреня. Мы с ними жили под одной крышей, и я для изображения портрета Григория кое-что взял от Алексея Дроздова, для Петра - внешний облик и его смерть - от Павла Дроздова, а для Дарьи многое позаимствовал от Марии, жены Павла, в том числе и факт ее расправы со своим кумом Иваном Алексеевичем Сердиновым, которого в романе я назвал Котляровым... Братья Дроздовы, - продолжал Шолохов, - были простые труженики, ставшие на фронте офицерами... А тут грянули революция и гражданская война, и Павла убивают. В глубоком яру их зажали и потребовали: «Сдавайтесь миром! А иначе - перебьем!» Они сдались, и Павла, как офицера, вопреки обещанию тут же и убили. Вот это мне крепко запомнилось. А потом его тело привезли домой. В морозный день. Я катался на коньках, прибегаю в дом - тишина. Открыл на кухню дверь и вижу: лежит Павел на соломе возле пылающей печи. Плечами подпер стену, согнув в колене ногу. А брат его, Алексей, поникший сидит напротив... До сих пор помню это... Вот я в «Тихом Доне» и изобразил Григория перед убитым Петром...

Михаил Александрович и Мария Петровна с детьми Сашей, Мишей, Машей и Светланой. Вешенская, 1940 год.

В разработке сюжета стало ясно, что в подоснову образа Григория характер Алексея Дроздова не годится. И тут я увидел, что Харлампий Ермаков более подходит к моему замыслу, каким должен быть Григорий. Его предки - бабка-турчанка, четыре Георгиевских креста за храбрость, служба в Красной гвардии, участие в восстании, затем сдача красным в плен и поход на польский фронт - все это меня очень увлекло в судьбе Ермакова. Труден у него был выбор пути в жизни, очень труден. Ермаков открыл мне многое о боях с немцами, чего из литературы я не знал... Так вот, переживания Григория после убийства им первого австрийца - это шло от рассказов Ермакова...

Старик Серафимович и Фадеев были экспертами

В Москву, в Ростов Шолохов выезжал в силу крайней необходимости. Когда закрутился первый виток клеветы об авторстве «Тихого Дона» - тогда называлось имя очеркиста Голоушева, - по расследованию этой, как оказалось, вздорной версии была создана специальная комиссия, куда вошли Фадеев (это ему принадлежит фраза о характере Шолохова, который он «всаживает» в своих героев) и старик Серафимович. Шолохов с рукописями вариантов, черновиков романа отправился в Москву...

Черновики рукописи, варианты сюжетов, событий «Тихого Дона» были изучены авторитетной московской комиссией вдоль и поперек. Выводы были однозначны: «автор «Тихого Дона» - Шолохов», о чем было сообщено общественности на страницах «Правды».

Шолохов отметил это событие на холостяцкой квартире своего друга-литератора Василия Кудашева (Василий Михайлович Кудашев погиб на фронте в 1942 году). Там и оставил рукописи первых книг. Почему не взял после? Трудно без Шолохова ответить на этот вопрос. Но одна из причин очевидна: писатель жил до войны такой интенсивной, напряженной жизнью, что, скорее всего, и не думал об оставленных материалах. «Иногда мне кажется, что Шолохов работает за всех нас», - так оценивал труд писателя Иван Катаев, автор рассказа «Под чистыми звездами».

А потом война, послевоенное лихолетье. Не до этого. А может, решил, что все потеряно. Но вот лет десять назад стало известно, в том числе и на Старой площади, в аппарате Президента СССР, что рукописи первых двух книг не исчезли, находятся в Москве. Хранители архива через посредника сообщали наверх, что готовы продать рукописи за валюту. Насколько я знаю (работал в то время на Старой площади), сумма выкупа смутила М. С. Горбачева. Правда, это было в то время, когда Михаил Сергеевич думал больше всего о том, как спасти самого себя. На многие годы вопрос повис в воздухе. Лишь одна «инстанция» - научная - не унималась, с великим упорством шла к цели. Я говорю об Институте мировой литературы имени А.-М. Горького, о его директоре, члене-корреспонденте Академии наук России Феликсе Феодосьевиче Кузнецове. Именно он после долгих поисков с научной дотошностью вычислил адрес держателя архивов. А теперь самое время дать «врез» - интервью с Ф. Ф. Кузнецовым.

Шолохов долго и упорно избегал всяких разговоров о прототипах «Тихого Дона», чтобы не навлечь на этих людей беду

«Сенсация, иначе не скажешь»

- Феликс Феодосьевич, как завершилась эта поисковая, почти детективная история?

- Самое главное для нас было определить, насколько серьезно то, чем обладают хранители рукописей. Когда договорились о приемлемой цене и для нас, и для них, с их согласия был снят ксерокс. Сенсация! Другого слова не найдешь. 855 страниц, написанных от руки, - большая часть шолоховской рукой, другая - рукой Марии Петровны, жены писателя (тогда у Шолоховых еще не было пишущей машинки). Из них более пятисот страниц - черновики, варианты, фразы, перечеркнутые вдоль и поперек в поисках искомого слова, - короче, живые свидетельства авторской мысли, творческих исканий. После этого и обратились с письмом к Владимиру Владимировичу Путину, сообщив, что представляет собой найденный архив. Честно сказать, не ожидали, что премьер откликнется так быстро. Но это факт. По его поручению Академия наук России при поддержке Министерства финансов приобрела эти бесценные тексты. В Институте работает серьезная группа шолоховедов. В самые сжатые [illegible] мы подготовим факсимильный [illegible]ик этих текстов. Я убежден, что это необходимо и важно не только для нас, но и для читателей, поклонников таланта Шолохова.

В войну случилось вот что

...В 1942 году немецкие самолеты с утра до ночи кружили над Вешенской и беспощадно бомбили станицу, где скопились у переправы воинские части. 13 июля Шолоховы решили уезжать и как раз во время дневного налета.

Правда, еще до налета военные предоставили Шолохову грузовик, куда как раз и были погружены архив Шолохова, часть библиотеки, папки с рукописями, ящики с письмами. Грузовик был отправлен в Сталинград, в городскую библиотеку. Никто не знал, и Шолохов тоже, что этот бесценный груз брошен в огонь - через месяц в этом городе не останется ни одного живого дома. Сгорит и библиотека.

...И вот в это время случился очередной налет. Несколько бомб попало в шолоховский дом. Все запылало, сгорело дотла. В тот день случилось еще большее несчастье - погибла мать писателя, Анастасия Даниловна. Любимая мать.

А родом он был из купечества...

Известно, что о себе Шолохов говорил скупо, информационно, как будто лишь «для личного дела». Таким он был почти всю жизнь, чем пользовались и пользуются всевозможные литературные плуты и сплетники.

В свое время, чтобы отвлечь наскоки правоверных критиков, отвести их упреки в «кулачестве», Шолохов сознательно заметал следы, выдавая себя за стопроцентного пролетария. Недаром еще в гимназии его называли «хитроумным Одиссеем». Только в последнее время можно в открытую говорить о том, что вырос он в богатой, зажиточной семье. Успел окончить четыре класса гимназии. Учился вначале в Москве, потом в Богучаре, а затем в Вешенской.

Отец писателя - Александр Михайлович - из купеческой семьи. Перед революцией был управляющим в крупном торговом доме - универсаме, как сказали бы теперь, где торговали одеждой, обувью, продовольствием, галантереей, сельхозинвентарем и так далее. Правда, после октябрьских событий остался ни с чем, пополнив ряды сельских пролетариев.

Отцовский характер

«Великий упрямец», - сказал Константин Симонов о Шолохове-писателе. Симонов имел в виду, что за письменным столом никто Михаилу Шолохову не указ.

Так вот, судя по всему, характер Михаила Александровича буква в букву отцовский. Судите сами. Молодой Александр Михайлович, самый толковый коммерсант среди братьев и сестер, выкинул финт: влюбился в горничную - в будущем мать писателя, Анастасию Даниловну. Да, красавица («Картина», - говорил он), умелица, в руках все горит, но сирота, голь перекатная. Отец против: «Не пара».

А сын - на своем, и так досадил Михаилу Михайловичу, что тот махнул рукой, мол, поступай, как хочешь, но живи своим хозяйством. Дед был строг, но справедлив - выделил любимому сыну богатую долю.

Чему и как учился Шолохов?

Зажили родители писателя дружно, лад в лад и достойно растили сына. Мальчику не было и шести лет, а ему уже наняли домашнего учителя Тимофея Тимофеевича Мрыхина, лучшего в станице.

Но даже после этого сына определили не в гимназию, а в Каргинскую министерскую школу (так звучно на Дону называлось начальное училище) и сразу же во второй класс. Лишь три года спустя отец решился повезти сына в Москву, в частную гимназию. Круг предметов был широк и многообразен: русский язык и литература, из древних - греческий и латинский, из европейских - французский и немецкий. Математика, физика, история, география. Гимназисты получали подготовку по рисованию, лепке, пению, гимнастике.

Обязательным был Закон Божий. «Тихий Дон» не мог написать человек, не ведающий о вечных библейских заповедях. Какая-то глазная болезнь мучила Мишу, он ходил в затемненных очках. Поэтому и напишет в автобиографии, что учился в Москве два-три года - имелось в виду, что с перерывами на лечение. Злоба торжествует даже по этому факту: мол, не помнит, сколько лет учился...

«От такой жизни запьешь...»

Память у него была на деле просто блестящая. Вспоминая тот или иной случай, он почти не пользовался косвенной речью. Не говорил: «Такой-то сказал, что...» События, даже давнее, в один миг озвучивалось, воскрешало на глазах, действующие лица вели диалог, как в драме. Каждый на свой лад, своим голосом. Вот один из его рассказов автору этого очерка: «Сталин взглянул на меня, усмехнулся в усы и, со своей привычкой загонять собеседника в тупик, сказал:

- Товарищ Шолохов, до нас доходят слухи, что вы выпиваете.

Я не замешкался, не растерялся и сказал:

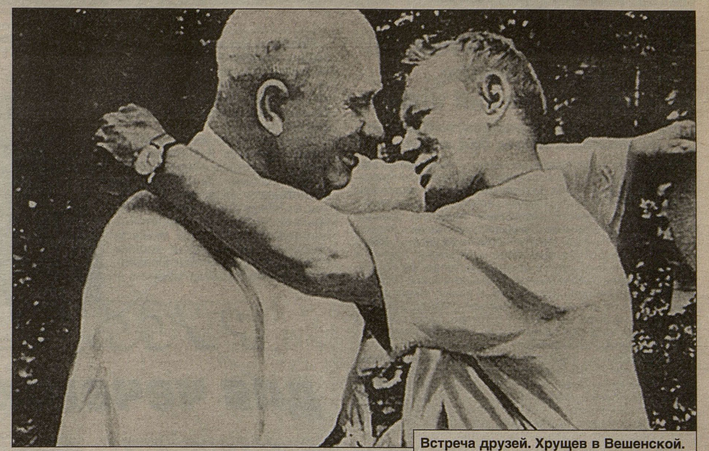
- От такой жизни, товарищ Сталин, запьешь.

Ворошилов звонко рассмеялся. Тогда Сталин круто изменил тему:

- Ну, что там у вас случилось, рассказывайте».

Это событие из тридцать седьмого года, когда арестовали секретаря райкома Лутового Петра Кузьмича и председателя райисполкома Логачева Тихона Андреевича. Шолохов по прямой связи (была у него такая) позвонил И. В. Сталину, сказал, что совершилось беззаконие. Попросил принять.

Шесть дней в гостинице «Москва» ждал писатель вызова в Кремль. Нервы на пределе. На седьмой день надежда почти пропала. Спустился в ресторан. К обеду заказал и водки. И надо же, только вошел к себе в номер, звонок из приемной: «На Политбюро». Что тут сказать? Подумал: следили, наверное, всю эту неделю и вот выждали момент...



Встреча друзей. Хрущев в Вешенской.

Эренбург: «Шолохов - очень честный художник»

У Шолохова с Ильей Эренбургом были очень сложные отношения, что не помешало Илье Григорьевичу сказать о своем постоянном оппоненте чистую правду: «Шолохов очень честный художник. Он не может лгать, не может выносить двойного счета. И человек порядочный, никого не топил, по трупам не ходил».

«Поднятая целина» - это против Советской власти?

Нынешним ниспровергателям «Поднятой целины» хотел бы напомнить, что этот роман в тридцатые годы многими оценивался даже выше, чем «Тихий Дон». Причем не конъюнктурно-просталинской критикой, а настоящими требовательными литераторами. Князь Дмитрий Святополк-Мирский, умнейший литературовед, эстетический вкус которого ценили не только у нас, но и за рубежом - Томас Манн, Бернард Шоу, Ромен Роллан, - писал в очерке «Михаил Шолохов»:

Более пятисот страниц – черновики, варианты, фразы, перечеркнутые вдоль и поперек в поисках искомого слова, – короче, живые свидетельства авторской мысли, творческих исканий

«Поднятая целина» во всех отношениях огромный шаг вперед по сравнению с «Тихим Доном». И еще: «Великая заслуга Шолохова, что он пошел на проблему в лоб. Великое свидетельство о силе и богатстве его реалистического дарования, что он с задачей справился».

Колхоз, который, по меткому слову Щукаря, «сочинил» Давыдов, далек от желаемого, как «социализм» (еще одно словечко Шолохова) от надежд и обещаний.

Нет сомнения: «Осип Виссарионович» - так один из персонажей называет Сталина - улыбался, читая «Поднятую целину», иначе вряд ли помиловал его создателя, ну хотя бы за эти слова: «Зараз появилось у Советской власти два крыла: правое и левое. Когда же она сымется и улетит от нас к едрене фене?»

История с Нобелевской премией

В середине 60-х годов ярым сторонником присвоения Шолохову Нобелевской премии стал французский писатель Жан Поль Сартр. Премия самому Сартру была присуждена в 1964 году. Разразился скандал: Сартр отказался получать премию. Что же случилось, по каким мотивам? Вот один из них. В одном из интервью Сартр сказал, что не может получить высокую премию, пока ею не отмечены достойные современники и прежде всего Михаил Шолохов.

В следующем, 1965 году Шолохов стал лауреатом. Понятно же, в том не только заслуга Сартра - шолоховские книги уже прошли испытание временем на всех континентах, и, естественно, писатель значился в списках кандидатов в лауреаты на Нобелевскую премию. Но как бы то ни было, позиция Жана Поля Сартра вызывает уважение и смотрит с укором в блудливые глаза плутов, вралей и сплетников, тронутых на фантасмагориях по поводу авторства «Тихого Дона».

Так был ли Крюков?

И все же. Несколько слов о «соавторе» «Тихого Дона» - Федоре Дмитриевиче Крюкове. Чаще всего он упоминается, когда пытаются найти тех, у кого Шолохов якобы «списал «Тихий Дон».

В наши дни произведения этого писателя изданы массовыми тиражами. Очеркист, рассказчик, автор маленьких повестей. Никаких романов никогда не задумывал (подробно я пишу об этом в книге «Рука судьбы»). Каждый может прочитать его произведения и убедиться в том, что это писатель - даровитый писатель - «школы Короленко». После семнадцатого года - активный участник «белого» движения на Дону (потому и не издавался при Советской власти). Уже ничего не писал как беллетрист. Умер в январе 1920 года.

Почему молчал великий писатель?

Конец декабря восемьдесят восьмого года. Вешенская. Беседуем с Марией Петровной, вдовой писателя. Осторожно, чтобы не огорчить лишний раз больную женщину, прошу рассказать о последних годах Шолохова, когда он замолчал. Замолчал навсегда как художник. Как это случилось? Мария Петровна помолчала, вздохнула тяжело и стала рассказывать:

- Война надломила Михаила Александровича. В первые годы после войны он жил, как в тумане, бывало такое, как будто он ничего не видит, не слышит. Живет в другом мире. Потом оттаял, стал снова творчески и житейски собранным. Особенно когда писал «Судьбу человека» и заканчивал вторую книгу «Поднятой целины». Хорошее было время, веселое, доброе. Ну а потом болезни. Болен он был тяжело, где-то с конца шестидесятых годов. Но держался. Врачи поражались: «Как он терпит!» Перенес два инфаркта, диабет с осложнениями, ну а потом рак горла. Страшная болезнь. Иногда поднимался в кабинет, писал. Но чаще всего рвал написанное. Я говорила: «Миша, ну пусть полежало бы, может, и понравится после». «Нет, Маруся, плохо», - отвечал.

Я слушал и думал, вот ситуация, когда правы оба - и жена, и писатель. Мария Петровна знала, по-женски чувствовала, что не печаталься для него великое мучение, это еще одна дорога к смерти. А он знал, что утратил ту невероятную жизненную хватку, которую друзья называли по праву чудовищной и которая так пленила, увлекала миллионы читателей. И у него не было права писать плохо.

Иван ЖУКОВ.
Фото из книги «Рука судьбы».